

Харпер Ли

XX
100
The BEST

УБИТЬ пересмешника...

[роман]

Харпер Ли

Убить пересмешника

«ФТМ»

«АСТ»

1960

Ли Х.

Убить пересмешника / Х. Ли — «ФТМ», «АСТ», 1960

ISBN 978-5-17-083520-1

История маленького сонного городка на юге Америки, поведанная маленькой девочкой. История ее брата Джима, друга Дилла и ее отца – честного, принципиального адвоката Аттикуса Финча, одного из последних и лучших представителей старой «южной аристократии». История судебного процесса по делу чернокожего парня, обвиненного в насилии над белой девушкой. Но прежде всего – история переломной эпохи, когда ксенофобия, расизм, нетерпимость и ханжество, присущие американскому югу, постепенно уходят в прошлое. «Ветер перемен» только-только повеял над Америкой. Что он принесет?..

ISBN 978-5-17-083520-1

© Ли Х., 1960

© ФТМ, 1960

© АСТ, 1960

Содержание

Часть первая	6
Глава 1	6
Глава 2	14
Глава 3	19
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Харпер Ли

Убить пересмешника

Harper Lee
TO KILL A MOCKINGBIRD

© Harper Lee, 1960
© Перевод. Нора Галь, Р. Облонская, наследники, 2013
© Издание на русском языке AST Publishers, 2014

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

* * *

Часть первая

Юристы, наверно, тоже когда-то были детьми.
Чарлз Лэм

Глава 1

Незадолго до того, как моему брату Джиму исполнилось тринадцать, у него был сломан локоть. Когда рука зажила и Джим перестал бояться, что не сможет играть в футбол, он ее почти не стеснялся. Левая рука стала немного короче правой; когда Джим стоял или ходил, ладонь была повернута к боку ребром. Но ему это было все равно, лишь бы не мешало бегать и гонять мяч.

Через несколько лет, когда все это было уже дело прошлое, мы иной раз спорили о событиях, которые к этому привели. Я говорила – все пошло от Юэлов, но Джим, а он на четыре года старше меня, уверял, что все началось гораздо раньше. Началось с того лета, когда к нам приехал Дилл, сказал он, Дилл первый придумал выманить из дому Страшилу Рэдди.

Я сказала, если добираться до корня, так все пошло от Эндрю Джексона¹. Если бы генерал Джексон не прогнал индейцев племени Ручья вверх по ручью, Саймон Финч не приплыл бы на своей лодке вверх по Алабаме, – и что бы тогда с нами было? Людям взрослым уже не пристало решать спор кулаками, и мы пошли и спросили Аттикуса. Отец сказал, что мы оба правы.

Мы южане; насколько нам известно, ни один наш предок не сражался при Гастингсе², и, признаться, кое-кто в нашей семье этого стыдится. Наша родословная начинается всего лишь с Саймона Финча, родом из Корнуэла, он был лекарь, а еще промышлял охотой, ужасно благочестивый, а главное, ужасный скряга. Саймону не нравилось, что в Англии людям, которые называли себя методистами, сильно доставалось от их более свободомыслящих братьев: он тоже называл себя методистом, а потому пустился в дальний путь – через Атлантический океан в Филадельфию, оттуда в Ямайку, оттуда в Мобил и дальше в Сент-Стивенс. Памятуя, как сурово Джон Уэсли осуждал многоглаголанье при купле-продаже, Саймон втихомолку нажил состояние на медицине, но при этом опасался, что не сможет устоять перед богопротивными соблазнами – начнет, к примеру, рядиться в золото и прочую мишуру. И вот, позабыв наставление своего учителя о тех, кто владеет людьми как орудиями, он купил трех рабов и с их помощью построил ферму на берегу Алабамы, миль на сорок выше Сент-Стивенса. В Сент-Стивенс он вернулся только однажды, нашел себе там жену, и от них-то пошел род Финчей, причем рождались все больше дочери. Саймон дожил до глубокой старости и умер богачом.

Мужчины в нашей семье обычно так и оставались на ферме Саймона «Пристань Финча» и выращивали хлопок. Хоть «Пристань» и выглядела скромно среди окружавших ее поистине королевских владений, но давала все, что нужно для независимого существования, только лед, пшеничную муку да одежду и обувь привозили пароходом из Мобила.

Распря между Севером и Югом, наверно, привела бы Саймона в бессильную ярость, ведь она отняла у его потомков все, кроме земли; однако они остались земледельцами, и лишь в двадцатом веке семейная традиция нарушилась: мой отец, Аттикус Финч, поехал в Монтгомери изучать право, а его младший брат поехал в Бостон изучать медицину. На «Пристани

---

¹ Джексон Эндрю (1767–1845) – президент США, чья политика способствовала освоению новых земель.

² В 1066 году в битве при Гастингсе норманский герцог Вильгельм I нанес поражение англосаксонским войскам и стал королем Англии. Предки Финчей не участвовали в этой битве, следовательно, Финчи не принадлежат к старинной английской аристократии.

Финча» осталась одна только их сестра Александра; она вышла замуж за тихоню, который целыми днями лежал в гамаке у реки и гадал, не попалась ли уже рыба на его удочки.

Закончив ученье, мой отец вернулся в Мейкомб и занялся адвокатской практикой. Мейкомб – это окружной центр милях в двадцати к востоку от «Пристани Финча». В здании суда у Аттикуса была контора, совсем пустая, если не считать вешалки для шляп, плевательницы, шахматной доски да новенького свода законов штата Алабама. Первые два клиента Аттикуса оказались последними, кого повесили в мейкомбской окружной тюрьме. Аттикус уговаривал их признать себя виновными в непредумышленном убийстве, тогда великодушный закон сохранит им жизнь; но они были Хейверфорды, а кто же в округе Мейкомб не знает, что все Хейверфорды упрямы как ослы. У этих двоих вышел спор с лучшим мейкомбским кузнецом из-за кобылы, которая забрела на чужой луг, и они отправили кузнеца на тот свет, да еще имели неосторожность сделать это при трех свидетелях, а потом уверяли, что так этому сукину сыну и надо, и воображали, будто это их вполне оправдывает. Они твердили, что в убийстве с заранее обдуманым намерением не виновны, и Аттикус ничем не мог им помочь, кроме как присутствовать при казни, после чего, должно быть, он и проникся отвращением к уголовным делам.

За первые пять лет жизни в Мейкомбе Аттикус не столько занимался адвокатской практикой, сколько практиковался в строгой экономии: все свои заработки он вложил в образование младшего брата. Джон Хейл Финч был на десять лет моложе моего отца и решил учиться на врача как раз в ту пору, когда хлопок так упал в цене, что его и выращивать не стоило; потом Аттикус поставил дядю Джека на ноги, и с деньгами у него стало посвободнее. Он любил Мейкомб, он был плоть от плоти округа Мейкомб, знал всех здешних жителей, и они его знали; а благодаря стараниям Саймона Финча Аттикус был если не в кровном родстве, так в свойстве чуть ли не со всеми семействами города.

Мейкомб – город старый, когда я его узнала, он уже устал от долгой жизни. В дождь улицы раскисали, и под ногами хлюпала рыжая глина; тротуары заросли травой, здание суда на площади осело и покосилось. Почему-то в те времена было жарче, чем теперь: черным собакам приходилось плохо; на площади тень виргинских дубов не спасала от зноя, и костлявые мулы, впряженные в тележки, яростно отмахивались хвостами от мух. Крахмальные воротнички мужчин размокали уже к девяти утра. Дамы принимали ванну около полудня, затем после дневного сна – в три часа – и все равно к вечеру походили на сладкие булочки, покрытые глазурью из пудры и пота.

Люди в те годы двигались медленно. Разгуливали по площади, обходили одну лавку за другой, все делали с расстановкой, не торопясь. В сутках были те же двадцать четыре часа, а казалось, что больше. Никто никуда не спешил, потому что идти было некуда, покупать нечего, да и денег ни гроша, и ничто не влекло за пределы округа Мейкомб. Но для некоторых это было время смутных надежд: незадолго перед тем округу Мейкомб объяснили³, что ничего не надо страшиться, кроме страха.

Наш дом стоял на главной улице жилой части города, нас было четверо – Аттикус, Джим, я и наша кухарка Кэлпурния. Мы с Джимом считали, что отец у нас неплохой: он с нами играл, читал нам вслух и всегда был вежливый и справедливый.

Кэлпурния была совсем другая. Вся из углов и костей, близорукая и косяя; и рука у нее была широкая, как лопата, и очень тяжелая. Кэлпурния вечно гнала меня из кухни и говорила, почему я веду себя не так хорошо, как Джим, а ведь она знала, что Джим старше; и она вечно звала меня домой, когда мне хотелось еще погулять. Наши сражения были грандиозны и всегда кончались одинаково. Кэлпурния неизменно побеждала, больше потому, что Аттикус

---

³ Слова из речи президента Франклина Рузвельта (1882–1945).

неизменно принимал ее сторону. Она жила у нас с тех пор, как родился Джим, и, сколько себя помню, я всегда ощущала гнет ее власти.

Мама умерла, когда мне было два года, так что я не чувствовала утраты. Она была из города Монтгомери, урожденная Грэм; Аттикус познакомился с нею, когда его в первый раз выбрали в законодательное собрание штата. Он был тогда уже пожилой, на пятнадцать лет старше ее. В первый год после их свадьбы родился Джим, после него через четыре года – я, а еще через два года мама вдруг умерла от разрыва сердца. Говорили, что это у Грэмов в роду. Я по ней не скучала, но Джим, наверно, скучал. Он хорошо помнил маму и иногда посреди игры вдруг длинно вздыхал, уходил за гараж и играл там один. Когда он бывал такой, я уж знала: лучше к нему не приставать.

Когда мне было около шести лет, а Джиму около десяти, нам летом разрешалось уходить от дома настолько, чтоб слышать, если Кэлпурния позовет: к северу – до ворот миссис Генри Лафайет Дюбоз (через два дома от нас), к югу – за три дома, до Рэдли. У нас никогда не было искушения перейти эти границы. В доме Рэдли обитало неведомое страшилище, стоило упомянуть о нем – и мы целый день были тише воды, ниже травы; а уж миссис Дюбоз была сушая ведьма.

В то лето к нам приехал Дилл.

Как-то рано утром мы с Джимом вышли на задворки, и вдруг в огороде у соседки мисс Рейчел Хейверфорд, среди грядок с кольраби, что-то зашевелилось. Мы подошли к проволочной изгороди поглядеть, не щенок ли это, – у мисс Рейчел фокстерьер должен был ощениться, – а там сидел кто-то коротенький и смотрел на нас. Над кольраби торчала одна макушка. Мы стояли и смотрели. Потом он сказал:

– Привет!

– Сам привет, – вежливо ответил Джим.

– Я Чарлз Бейкер Харрис, – сказал коротенький. – Я умею читать.

– Ну и что? – сказала я.

– Я думал, может, вам интересно, что я умею читать. Может, вам надо чего прочитать, так я могу...

– Тебе сколько? – спросил Джим. – Четыре с половиной?

– Скоро семь.

– Чего ж ты хвастаешь? – сказал Джим и показал на меня большим пальцем. – Вон Глазастик сроду умеет читать, а она у нас еще и в школу не ходит. А ты больно маленький для семи лет.

– Я маленький, но я уже взрослый.

Джим отвел волосы со лба, чтоб получше его разглядеть.

– Поди-ка сюда, Чарлз Бейкер Харрис. Господи, вот так имечко!

– Не смешней твоего. Тетя Рейчел говорит, тебя зовут Джереми Аттикус Финч.

Джим нахмурился.

– Я большой, мне мое имя подходит. А твое длинней тебя самого. На целый фут⁴.

– Меня все зовут просто Дилл. – И Дилл полез под проволоку.

– Лучше бы сверху перелез, – сказала я. – Ты откуда взялся?

Дилл взялся из Меридиана, штат Миссисипи, он приехал на лето к своей тете мисс Рейчел и теперь всегда будет летом жить в Мейкомбе. Его родные все мейкомбские, мать работает в Меридиане в фотографии, она послала карточку Дилла на конкурс красивого ребенка и получила премию в пять долларов. Она отдала их Диллу, и он на эти деньги целых двадцать раз ходил в кино.

---

⁴ Фут (англ.) – единица длины, равная 30,5 см.

– У нас тут кино не показывают, только иногда в суде про Иисуса, – сказал Джим. – А ты видел что-нибудь хорошее?

Дилл видел кино «Дракула»⁵, это открытие заставило Джима поглядеть на него почти с уважением.

– Расскажи, – попросил он.

Дилл был какой-то чудной. Голубые полотняные штаны пуговицами пристегнуты к рубашке, волосы совсем белые и мягкие, как пух на утенке; он был годом старше меня, но гораздо ниже ростом. Он стал рассказывать нам про Дракулу, и голубые глаза его то светлели, то темнели; вдруг он принимался хохотать во все горло; на лоб ему падала прядь волос, и он все время ее теребил.

Когда Дилл разделался с Дракулой, Джим сказал – похоже, что кино поинтереснее книжки, а я спросила, где у Дилла отец.

– Ты про него ничего не говорил.

– У меня отца нет.

– Он умер?

– Нет...

– Как же так? Раз не умер, значит, есть.

Дилл покраснел, а Джим велел мне замолчать – верный знак, что он изучил Дилла и решил принять его в компанию. После этого у нас на все лето установился свой распорядок. Распорядок был такой: мы перестраивали свой древесный домик – гнездо, устроенное в развилке платана у нас на задворках, ссорились, разыгрывали в лицах подряд все сочинения Оливера Оптика, Виктора Эплтона и Эдгара Райса Бэрроуза⁶. Тут Дилл оказался для нас просто кладом. Он играл все характерные роли, которые раньше приходилось играть мне: обезьяну в «Тарзане», мистера Крэбтри в «Братьях Роувер», мистера Деймона в «Томе Свифте». А потом мы поняли, Дилл немножко колдун, вроде Мерлина, – великий мастер на самые неожиданные выдумки, невероятные затеи и престранные фантазии.

К концу августа нам наскучило снова и снова разыгрывать одни и те же спектакли, и тут Дилл надумал выманить из дому Страшиллу Рэдли.

Дом Рэдли заворожил Дилла. Сколько мы его ни предостерегали, сколько ему ни толковали, этот дом притягивал его, как луна море, но притягивал только до фонарного столба на углу, на безопасном расстоянии от ворот Рэдли. Тут Дилл застывал: обхватит рукой толстый столб, смотрит во все глаза и раздумывает.

Дом Рэдли стоял в том месте, где улица к югу от нас описывает крутую дугу. Если идти в ту сторону, кажется, вот-вот упруешься в их крыльцо. Но тут тротуар поворачивает и огибает их участок. Дом был низкий, когда-то выбелен известкой, с большой верандой и зелеными ставнями, но давным-давно уже облез и стал таким же грязно-серым, как и весь двор. Прогнившая дранка свисала с крыши веранды, густая листва дубов не пропускала солнечных лучей. Поредевшие колья забора, шатаясь, как пьяные, ограждали двор перед домом – «чистый» двор, который никогда не подметался и весь зарос сорной травой.

В этом доме обитал злой дух. Так все говорили, но мы с Джимом никогда его не видели. Говорили, он выходит по ночам, когда нет луны, и заглядывает в чужие окна. Если вдруг похолодает и у кого-нибудь в саду померзнут азалии, значит, это он на них дохнул. Все мелкие тайные преступления, какие только совершаются в Мейкомбе, – это его рук дело. Как-то на город одно за другим посыпались непонятные и устрашающие ночные происшествия: кур, кошек и собак находили поутру жестоко искалеченными; и хотя виновником оказался полоумный Эдди, который потом топился в Заводи, все по-прежнему косились на дом Рэдли, словно не хотели

---

⁵ Фильм по роману ужасов Брэма Стокера (1847–1912), его герой – вампир.

⁶ Авторы детских приключенческих книг. Особенно была популярна серия книг Бэрроуза о Тарзане.

отказываться от первоначальных подозрений. Ни один негр не решался ночью пройти мимо этого дома – уж непременно перейдет на другой тротуар и начнет насвистывать для храбрости. Площадка для игр при мейкомбской школе примыкала к задворкам Рэдли; возле курятника у Рэдли росли высоченные pekanовые деревья, и спелые орехи сыпались с ветвей на школьный двор, но никто к ним не притрагивался: орехи Рэдли ядовитые! Бейсбольный мяч, залетевший к Рэдли, пропал безвозвратно, о нем никто и не заикался.

Тайна окутала этот дом задолго до того, как родились мы с Джимом. Перед семейством Рэдли были открыты все двери в городе, но оно держалось очень замкнуто – грех в Мейкомбе непростительный. Рэдли не ходили в церковь, хотя в Мейкомбе это главное развлечение, а молились Богу у себя дома; можно было пересчитать по пальцам случаи, когда миссис Рэдли днем выходила из дому, чтоб выпить чашку кофе с соседками, а на собраниях миссионерского общества ее не видали ни разу. Мистер Рэдли каждое утро в половине двенадцатого отправлялся в город и уже через полчаса возвращался, иногда с пакетом в руках: с покупками из бакалейной лавки – догадывались соседи. Я так и не поняла, как старик Рэдли зарабатывал свой хлеб. Джим говорил, что он «скупает хлопок» (вежливый оборот, означавший «бьет баклуши»), но мистер Рэдли с женой и двумя сыновьями жили в нашем городе с незапамятных времен.

По воскресеньям двери и ставни у Рэдли были закрыты – тоже наперекор мейкомбскому обычаю: у нас закрывают двери только в холода или если кто-нибудь болен. А по воскресеньям полагается делать визиты: женщины ходят в корсетах, мужчины – в пиджаках, дети – в башмаках. Но никто из соседей в воскресный день не поднялся бы на крыльцо к Рэдли и не окликнул: «Привет!» Двери у них были сплошные. Я как-то спросила Аттикуса, были ли у них когда-нибудь двери с москитной сеткой, и Аттикус сказал – да, но еще до того, как я родилась.

Рассказывали, когда младший сын Рэдли был подростком, он свел дружбу с Канингемами из Старого Сарэма – многолюдным и загадочным племенем, обитавшим на севере нашего округа, и впервые за всю историю Мейкомба они сколотили что-то вроде шайки. Они не так уж много буянили, но и этого было довольно, чтобы о них судил и рядил весь город и три священника увещевали их с трех церковных кафедр: они слонялись возле парикмахерской, по воскресеньям ездили автобусом в Эбботсвил в кино; ходили на танцульки в известный всему округу игорный притон на берегу Алабамы – гостиницу «Капля росы и приют рыболова» и даже пробовали пить виски. Ни один человек в Мейкомбе не отважился сказать мистеру Рэдли, что его сын связался с дурной компанией.

Однажды вечером, разойдясь больше обычного, мальчишки прикатили на главную площадь задом наперед на взятом у кого-то взаймы дрянном «фордике», оказали сопротивление почтенному церковному старосте мистеру Коннеру, который пытался их задержать, и заперли его во флигеле для присяжных во дворе суда. Весь город решил, что этого им спустить нельзя; мистер Коннер заявил, что узнал всех до одного в лицо и так этого не оставит, – и вот мальчишки предстали перед судом по обвинению в хулиганстве, нарушении общественной тишины и порядка, оскорблении действием и сквернословии в присутствии женщин. Судья спросил мистера Коннера, откуда это последнее обвинение, и мистер Коннер сказал – ребята ругались так громко, что их наверняка слышали все женщины во всем Мейкомбе. Судья решил отправить мальчишек в ремесленную школу штата, куда иной раз посылали подростков просто для того, чтобы у них был кусок хлеба и крыша над головой. Это была не тюрьма, и это не считалось позором. Но мистер Рэдли думал иначе. Если судья отпустит Артура, мистер Рэдли уж позаботится, чтоб Артур больше не доставлял хлопот. Зная, что у мистера Рэдли слово не расходится с делом, судья охотно отдал ему сына.

Другие мальчишки поступили в ремесленную школу и получили лучшее среднее образование, какое только можно получить в пределах нашего штата; один из них даже окончил потом высшее техническое училище в Оберне. Двери дома Рэдли были закрыты наглухо и по

воскресеньям и в будни, и целых пятнадцать лет никто больше ни разу не видал младшего сына мистера Рэдли.

А потом настал день, который смутно помнил и Джим, когда Страшила Рэдли дал о себе знать, а кое-кто его и увидел. По словам Джима, Аттикус не любил говорить о Рэдли, и, когда Джим про них спрашивал, Аттикус отвечал одно: занимайся своими делами, а в дела Рэдли не суйся, они тебя не касаются. Но после того случая, рассказывал Джим, Аттикус покачал головой и сказал «гм-гм».

Почти все сведения Джим получил от нашей соседки мисс Стивени Кроуфорд, завятой сплетницы, – она-то уж знала все доподлинно. По ее словам, Страшила сидел в гостиной, вырезал какие-то заметки из «Мейкомб трибюн» и наклеивал в альбом. В комнату вошел мистер Рэдли-старший. Когда отец проходил мимо, Страшила ткнул его ножницами в ногу, потом вытащил ножницы, вытер кровь о штаны и вновь принялся за свои вырезки.

Миссис Рэдли выбежала на улицу и закричала, что Артур их всех сейчас убьет, но, когда прибыл шериф, Страшила все так же сидел в гостиной и вырезал что-то из газеты. Ему было тогда тридцать три года.

Мисс Стивени сказала – мистеру Рэдли предложили отправить Страшилу на время в Таскалузу, это будет ему полезно, но старик сказал – нет, ни один Рэдли в сумасшедшем доме не сидел и сидеть не будет. Страшила не помешанный, просто он иногда бывает раздражительным. Подержать его под замком можно, а судить не за что, никакой он не преступник. Шериф не решился посадить Страшилу в тюрьму вместе с неграми, и его заперли в подвале здания суда.

Как Страшилу вновь перевели из этого подвала домой, Джим помнил очень смутно. Мисс Стивени Кроуфорд рассказывала – некоторые члены муниципалитета сказали мистеру Рэдли, что, если он не заберет Страшилу из подвала, тот зарастет плесенью от сырости и помрет. И потом, не может же Страшила весь век жить на средства округа.

Никто не знал, каким образом мистеру Рэдли удалось запугать Страшилу так, чтоб он не показывался на люди; Джим думал, что Страшила почти все время сидит на цепи, прикованный к кровати. Но Аттикус сказал – нет, не в том дело, можно и другими способами превратить человека в привидение.

Помню, изредка мне случалось видеть, как миссис Рэдли открывает парадную дверь, подходит к перилам веранды и поливает свои канны. А вот мистера Рэдли, когда он шагал в город и обратно, мы с Джимом видели каждый день. Он был худой, жилистый, глаза какие-то блеклые, даже не поймешь, какого они цвета. Торчат острые скулы, рот большой, верхняя губа тонкая, а нижняя толстая. Мисс Стивени Кроуфорд говорила – он уж до того прямой и правильный человек, что слушает одного только Бога, и мы ей верили, потому что мистер Рэдли был прямой, как громоотвод.

С нами он не разговаривал. Когда он шел мимо, мы опускали глаза и говорили: «Доброе утро, сэр», а он в ответ только покашливал. Его старший сын жил в Пенсаколе; на Рождество он приезжал домой, он был один из немногих, кто на наших глазах входил в этот дом или выходил из него. Люди говорили, с того дня, как мистер Рэдли взял Артура из подвала, дом словно вымер.

А потом настал день, когда Аттикус сказал – если мы станем шуметь во дворе, он нам задаст, и велел Кэлпурнии, чтоб мы не смели пикнуть, пока его не будет дома. Мистер Рэдли умирает.

Мистер Рэдли не торопился. Улицу по обе стороны от его дома перегородили деревянными кóзлами, тротуар посыпали соломой, все машины и повозки сворачивали в объезд. Доктор Рейнолдс всякий раз, приезжая к больному, оставлял свою машину возле нас и к дому Рэдли шел пешком. Мы с Джимом целыми днями ходили по двору на цыпочках. Наконец кóзлы убрали, и мы с крыльца смотрели, как мистер Рэдли отправился мимо нашего дома в последний путь.

– Вот хоронят самого подлого человека на свете, – проворчала себе под нос Кэлпурния и задумчиво сплюнула.

Мы посмотрели на нее во все глаза: Кэлпурния не часто позволяла себе вслух судить о белых.

Все соседи думали – когда мистер Рэдли отправится на тот свет, Страшила выйдет на свет Божий, но они ошибались: из Пенсаколы вернулся старший брат Страшилы и занял место отца. Разница была только в возрасте. Джим сказал – мистер Натан Рэдли тоже «скупает хлопок». Однако мистер Натан отвечал нам, когда мы с ним здоровались, и иногда он возвращался из города с журналом в руках.

Чем больше мы рассказывали Диллу про семейство Рэдли, тем больше ему хотелось знать, тем дольше он простаивал на углу в обнимку с фонарным столбом и тем дольше раздумывал.

– Интересно, что он там делает, – бормотал он. – Вот возьмет сейчас и высунется из-за двери.

– Он по ночам выходит, когда темно, – сказал Джим. – Мисс Стивени Кроуфорд говорит, раз она проснулась среди ночи, а он смотрит на нее в окошко... смотрит, а сам похож на мертвеца, голова точь-в-точь как череп. Дилл, а ты его не слышал? Ты ночью не просыпался? Он ходит вот так (и Джим зашаркал ногами по гравию). Думаешь, почему мисс Рейчел так запирает на ночь все двери? Я сам утром сколько раз видал у нас на задворках его следы, а раз ночью слышим – он скребется в окно у заднего крыльца, Аттикус вышел, а его уже нет.

– Вот бы поглядеть, какой он, – сказал Дилл.

Джим нарисовал довольно похожий портрет Страшилы: ростом Страшила, судя по следам, около шести с половиной футов; ест он сырых белок и всех кошек, какие только попадутся, вот почему руки у него всегда в крови, ведь кто ест животных сырыми, тому век не отмыть рук. У него длинный кривой шрам через все лицо; зубы желтые, гнилые; он пучеглазый и слюнявый.

– Давайте выманить его из дому, – сказал Дилл. – Я хочу на него поглядеть.

Джим сказал:

– Что ж, если тебе жизнь надоела, поди и постучи к ним в парадную дверь, только и всего.

Наш первый налет состоялся, только когда Дилл поспорил с Джимом на книжку «Серое привидение» против двух выпусков «Тома Свифта», что Джим не посмеет сунуться в ворота Рэдли. Джим был такой: если его раздразнить, нипочем не отступит.

Джим думал три дня. Наверно, честь ему была дороже жизни, потому что Дилл его донял очень легко.

– Ты трусишь, – сказал он в первый же день.

– Не трушу, просто невежливо ломиться в чужой дом.

Назавтра Дилл сказал:

– Ты трусишь, тебе к ним во двор одной ногой и то не ступить.

Джим возразил, что он ведь сколько лет каждый день ходит в школу мимо Рэдли.

– Не ходишь, а бегом бегаешь, – сказала я.

Но на третий день Дилл добил его: он сказал Джиму, что в Меридиане люди похрабрее мейкомбских, он сроду не видал таких трусов, как в Мейкомбе.

Услышав такие слова, Джим прошагал по улице до самого угла, прислонился к фонарному столбу и уставился на калитку, которая нелепо болталась на самодельной петле.

– Надеюсь, ты и сам понимаешь, Дилл Харрис, что он всех нас прикончит, – сказал Джим, когда мы подошли к нему. – Он выцарапает тебе глаза, и тогда не говори, что это я виноват. Помни, ты сам это затеял.

– А ты все равно трусишь, – кротко сказал Дилл.

Джим попросил Дилла усвоить раз и навсегда, что ничего он не трусил.

– Просто я никак не придумаю, как бы его выманить, чтоб он нас не поймал.

И потом, Джим обязан помнить о своей младшей сестре.

Как только он это сказал, я поняла – он и вправду боится. Когда я один раз сказала, что ему слабб прыгнуть с крыши, он тоже вспомнил о своей младшей сестре. «Если я разобьюсь насмерть, что будет с тобой?» – спросил он тогда. Прыгнул с крыши, но не разбился, и больше не вспоминал, что он в ответе за свою младшую сестру, пока не оказался перед воротами Рэдли.

– Что, слабб тебе? Хочешь на попятную? – сказал Дилл. – Тогда, конечно...

– Дилл, такие вещи надо делать подумавши, – сказал Джим. – Дай минуту подумать... это все равно как заставить черепаху высунуть голову...

– А как ты ее заставишь? – поинтересовался Дилл.

– Надо зажечь у нее под пузом спичку.

Я сказала – если Джим подожжет дом Рэдли, я скажу Аттикусу.

Дилл сказал – поджигать черепаху гнусно.

– Ничего не гнусно, надо же ее заставить, и ведь это не то что кинуть ее в огонь, – проворчал Джим.

– А почему ты знаешь, что от спички ей не больно?

– Дурак, черепахи ничего не чувствуют, – сказал Джим.

– А ты что, сам был черепахой?

– Ну знаешь, Дилл!.. А теперь не мешай, дай подумать... Может, если мы начнем кидаться камнями...

Джим думал так долго, что Дилл пошел на уступки.

– Ладно, не слабб, ты только подойди к дому, дотронься рукой – и «Серое привидение» твое.

Джим оживился:

– Дотронусь – и все?

Дилл кивнул.

– Значит, все? – повторил Джим. – Смотри, а то я дотронусь, а ты сразу станешь орать – не по правилам!

– Говорят тебе, это все, – сказал Дилл. – Он, наверно, как увидит тебя во дворе, сразу выскочит, тут мы с Глазастиком накинемся на него и схватим и объясним, что мы ему ничего плохого не сделаем.

Мы перешли через улицу и остановились у ворот Рэдли.

– Ну, валяй, – сказал Дилл. – Мы с Глазастиком тут.

– Сейчас, – сказал Джим. – Не торопи меня.

Он зашагал вдоль забора до угла, потом обратно – видно, изучал несложную обстановку и решал, как лучше проникнуть во двор; при этом он хмурился и чесал в затылке.

Я смотрела, смотрела на него – и фыркнула.

Джим рывком распахнул калитку, кинулся к дому, хлопнул ладонью по стене и помчался обратно мимо нас, даже не обернулся поглядеть, что толку от его набега. Мы с Диллом мчались за ним по пятам. Благополучно добежали до нашей веранды и, пыхтя и еле переводя дух, оглянулись.

Старый дом стоял по-прежнему хмурый и унылый, но вдруг нам показалось, что в одном окне шевельнулась штора. Хлоп. Легкое, чуть заметное движение – и дом снова замер.

Глава 2

В начале сентября Дилл попрощался с нами и уехал к себе в Меридиан. Мы проводили его на пятичасовой автобус, и я ужасно скучала, но потом сообразила – через неделю мне в школу! Еще ничего в жизни я не ждала с таким нетерпением. Зимой я часами просиживала в нашем домике на платане, глядела на школьный двор, подсматривала за школьниками в бинокль Джима, изучила все их игры, не спускала глаз с красной куртки Джима, когда ребята кружили и петляли по двору, играя в жмурки, втайне делила все их радости и неудачи. И ужасно хотела быть с ними вместе.

В первый день Джим снизошел до того, что сам отвел меня в школу, обычно это делают родители, но Аттикус сказал – Джим с удовольствием покажет мне мой класс. Наверно, тут совершилась выгодная сделка: когда мы рысцой огибали угол дома Рэдли, я услышала необычный звук – в кармане у Джима позвякивали монетки. Перед школьным двором мы замедлили шаг, и Джим стал мне толковать, чтоб в школе я к нему не приставала, не просила разыграть главу «Тарзан и люди-муравьи», не докучала намеками на его личную жизнь и не ходила за ним хвостом в перемены. Мое место в первом классе, а место Джима – в пятом. Короче говоря, чтоб я не путалась у него под ногами.

– Что ж, нам с тобой больше нельзя играть вместе? – спросила я.

– Дома мы будем жить, как жили, – сказал Джим. – Только сама увидишь, в школе не то, что дома.

Так оно и оказалось. В первое же утро наша учительница мисс Кэролайн Фишер вызвала меня и перед всем классом отлупила линейкой по ладони, а потом поставила в угол до большой перемены.

Мисс Кэролайн была молодая – двадцать один, не больше. Волосы темно-рыжие, щеки розовые и темно-красный лак на ногтях. И лакированные туфельки на высоком каблуке, и красное платье в белую полоску. Она была очень похожа на мятную конфетку, и пахло от нее мятной конфеткой. Она снимала верхнюю комнату у мисс Моды Эткинсон, напротив нас, и, когда мисс Моды нас с ней познакомила, Джим потом несколько дней ходил, как в тумане.

Мисс Кэролайн написала свое имя на доске печатными буквами и сказала:

– Тут написано, что меня зовут мисс Кэролайн Фишер. Я из Северной Алабамы, из округа Уинстон.

Класс зашептался: у жителей тех мест характер известный, наверно, и мисс Кэролайн такая же. (Когда 11 января 1861 года штат Алабама откололся от Соединенных Штатов, округ Уинстон откололся от Алабамы⁷ – в округе Мейкомб это знает каждый младенец.) В Северной Алабаме полным-полно противников «сухого закона», не весть сколько ткацких фабрик, сталелитейных компаний, республиканцев, профессоров и прочих людей без роду, без племени.

Для начала мисс Кэролайн стала читать нам вслух про кошек. Кошки вели друг с другом длинные беседы, ходили в нарядных платьицах и жили на кухне в теплом домике под печкой. К тому времени, как миссис Кошка позвонила в аптеку и заказала пилюли из сушеных мышей в шоколаде, весь класс так и корчился от смеха. Мисс Кэролайн, видно, было невдомек, что ее ученики – мальчишки в рваных рубашках и девчонки в платьях из мешковины, все, кто, едва научившись ходить, уже собирает хлопок и задает корм свиньям, – не очень восприимчивы к изящной словесности. Дочитав до конца, она сказала:

– Какая милая сказка, не правда ли, дети?

Потом подошла к доске, огромными печатными буквами выписала на ней весь алфавит и, обернувшись к классу, спросила:

---

⁷ Когда начинался конфликт между Севером и Югом, жители этого округа оказались на стороне северян.

– Кто знает, что это такое?

Знали все: большинство сидело в первом классе второй год.

Наверно, мисс Кэролайн выбрала меня потому, что помнила, как меня зовут. Когда я стала читать все буквы подряд, меж бровей у нее появилась чуть заметная морщинка; потом она заставила меня прочитать вслух полбукваря и биржевой бюллетень из «Мобил реджистер», убедилась, что я грамотная, и посмотрела на меня уже с легким отвращением. И велела мне сказать отцу, чтобы он меня больше не учил, это помешает мне читать как полагается.

– Но он меня ничему не учил, мисс Кэролайн, – удивилась я.

Она улыбнулась и покачала головой.

– Аттикусу некогда меня учить, – прибавила я. – Знаете, он вечером всегда такой усталый, он только сидит в гостиной и читает.

– Если не он, так кто же тебя учил? – сказала мисс Кэролайн совсем не сердито. – Кто-то ведь учил? Не с пеленок же ты читаешь газеты.

– А Джим говорит – с пеленок. Он читал одну книжку, и там я была не Финч, а Пинч. Джим говорит, меня по-настоящему зовут Джин-Луиза Пинч, но, когда я родилась, меня подменили, а по-настоящему я...

Мисс Кэролайн мне, видно, не поверила.

– Не будем давать волю фантазии, деточка, – сказала она. – Итак, передай отцу, чтобы он больше тебя не учил. Учиться читать лучше по всем правилам. Скажешь ему, что теперь я возьмусь за тебя сама и постараюсь исправить зло...

– Как вы сказали, мэм?

– Твой отец не умеет учить. А теперь садись.

Я пробормотала, что прошу прощения, села на свое место и начала думать, в чем же мое преступление. Я никогда не училась читать нарочно, просто как-то так выходило, что я каждый день без спросу рылась в газетах. А может, я научилась читать за долгие часы в церкви? Не помню, было ли такое время, когда я не умела читать псалмы. Если разобраться, чтение пришло само собой, все равно как сама собой я научилась не глядя застегивать сзади комбинезон и не путаться в шнурках башмаков, а завязывать их бантом. Уж не знаю, когда именно строчки над движущимся пальцем Аттикуса стали делиться на слова, но, сколько себя помню, каждый вечер я смотрела на них и слушала последние новости, проекты новых законов, дневники Лоренцо Дау – все, что читал Аттикус, когда я перед сном забиралась к нему на колени. Пока я не испугалась, что мне это запретят, я вовсе не любила читать. Дышать ведь не любишь, а попробуй не дышать...

Понимая, что мисс Кэролайн мною недовольна, я решила не искушать судьбу и до конца урока смотрела в окно, а потом настала перемена, и весь первый класс высыпал во двор. Тут меня отыскал Джим, отвел в сторону и спросил, как дела. Я рассказала.

– Если б можно, я бы ушла домой. Джим, эта тетка говорит, Аттикус учил меня читать, так пускай больше не учит...

– Не горюй, – стал утешать меня Джим. – Наша учительница говорит, мисс Кэролайн преподает по новому способу. Ее этому выучили в колледже. Скоро во всех классах так будет. При этом способе по книжкам почти не учатся, вроде как с коровами: если хочешь узнать про корову, надо ее подоить, ясно?

– Ага, но я не хочу изучать коров, я...

– Как так не хочешь? Про коров надо знать, в нашем округе на них половина хозяйства держится.

Я только и спросила, не спятил ли он.

– Вот дуреха, я просто объясняю тебе, что первоклашек теперь учат по новому способу. Называется – «Десятичная система Дьюи».

Я никогда не подвергала сомнению истины, которые изрекал Джим, не усомнилась и теперь. «Десятичная система Дьюи» наполовину состояла в том, что мисс Кэролайн махала у нас перед носом карточками, на которых было выведено печатными буквами: КИТ, КОТ, ВОТ, ДОМ, ДЫМ. От нас, видимо, не требовалось никаких комментариев, и класс в молчании принимал эти импрессионистские откровения. Мне стало скучно, и я принялась писать письмо Диллу. На этом занятии меня поймала мисс Кэролайн и опять велела сказать отцу, чтоб он перестал меня учить.

– И, кроме того, – сказала она, – в первом классе мы пишем только печатными буквами. А по-письменному будешь учиться в третьем классе.

Тут виновата была Кэлпурния. Наверно, иначе в ненастную погоду ей бы от меня житья не было. Она задавала мне урок: нацарапает на грифельной доске сверху все буквы по-письменному, положит рядом раскрытую Библию и велит переписывать главу по-письменному. Если я выводила буквы похоже, она давала мне в награду кусок хлеба с маслом, густо посыпанный сахаром. Учительница она была строгая, не часто бывала мною довольна и я не часто получала награду.

– Все, кто ходит завтракать домой, поднимите руки, – сказала мисс Кэролайн, и я не успела додумать, как еще меня обидела Кэлпурния.

Все городские ребята подняли руки, и мисс Кэролайн внимательно оглядела нас.

– Все, у кого завтрак с собой, достаньте его.

Неведомо откуда появились ведерки из-под патоки, и на потолке заплясали серебряные зайчики. Мисс Кэролайн ходила между рядами парт, заглядывала в ведерки и в бумажные пакеты и то одобрительно кивала, то слегка хмурилась. Возле парты Уолтера Канингема она остановилась.

– А где твой завтрак? – спросила она.

По лицу Уолтера Канингема каждый первоклассник сразу видел – у него глисты. А по его босым ногам сразу видно было, откуда это у него. Глисты бывают оттого, что ходишь босиком по хлеву и по грязи, где валяются свиньи. Будь у Уолтера башмаки, в первый день занятий он бы, конечно, их надел, а потом все равно ходил бы в школу босой до самых холодов. Зато на нем была чистая рубашка и старательно залатанный комбинезон.

– Ты сегодня забыл взять с собой завтрак? – спросила мисс Кэролайн.

Уолтер смотрел прямо перед собой. На его тощей щеке дергался мускул.

– Ты забыл сегодня завтрак? – опять спросила мисс Кэролайн.

У него опять дернулась щека.

– Угу, – пробормотал он наконец.

Мисс Кэролайн подошла к своему столу и достала кошелек.

– Вот тебе двадцать пять центов, – сказала она. – Поди и купи себе поесть. Деньги отдашь мне завтра.

Уолтер помотал головой.

– Нет, мэм, спасибо, – тихо сказал он.

В голосе мисс Кэролайн послышалось нетерпение:

– Поди сюда, Уолтер, и возьми деньги.

Уолтер опять помотал головой.

Когда он замотал головой в третий раз, кто-то прошептал:

– Скажи ей, Глазастик!

Я оглянулась и увидела, что почти все городские ребята и все загородные смотрят на меня. Мы с мисс Кэролайн уже дважды беседовали, и они все уставились на меня в простодушной уверенности, что из столь близкого знакомства рождается взаимопонимание.

Так и быть, надо вступить за Уолтера. Я встала.

– Э-э... мисс Кэролайн...

– Что тебе, Джин-Луиза?

– Мисс Кэролайн, он Канингем.

И я села на место.

– Что такое, Джин-Луиза?

Мне казалось, я сказала очень ясно. Всем нам было ясно: Уолтер Канингем врет почему. Никакого завтрака он не забывал, никакого завтрака у него и не было. Сегодня нет, и завтра не будет, и послезавтра. Он, наверно, в жизни своей не видал трех четвертаков сразу.

Я сделала еще одну попытку:

– Мисс Кэролайн, ведь Уолтер из Канингемов.

– Не понимаю, Джин-Луиза. О чем ты говоришь?

– Это ничего, мэм, вы скоро всех в округе узнаете. Канингемы никогда ничего не возьмут бесплатно – ни у прихода, ни у муниципалитета. Они ни у кого ничего не берут, обходятся тем, что есть. У них мало что есть, но они обходятся.

В нравах племени Канингемов – вернее, одной его ветви – я начала разбираться минувшей зимой. Отец Уолтера приходил к Аттикусу за советом. Однажды вечером они долго и скучно толковали в гостиной про ущемление прав, а на прощанье мистер Канингем сказал:

– Уж не знаю, мистер Финч, когда я смогу с вами расплатиться.

– Пусть вас это не заботит, Уолтер, – сказал Аттикус.

Я спросила Джима, что такое ущемление, он объяснил – когда тебе прищелят хвост, и тогда я спросила Аттикуса, сможет ли мистер Канингем когда-нибудь нам заплатить.

– Деньгами не сможет, – сказал Аттикус, – но до конца года он со мной рассчитается.

Вот увидишь.

И мы увидели. Как-то утром мы с Джимом нашли на задворках гору хвороста для растопки. Потом на заднем крыльце откуда-то взялся целый мешок орехов. На Рождество появилась корзинка остролиста. Весной мы нашли еще мешок молодой репы, и тут Аттикус сказал, что мистер Канингем заплатил ему с лихвой.

– Почему это он платит репой? – спросила я.

– Потому, что иначе ему платить нечем. У него нет денег.

– А мы бедные, Аттикус?

Аттикус кивнул:

– Да, конечно.

Джим наморщил нос.

– Такие же бедные, как Канингемы?

– Ну, не совсем. Канингемы не горожане, а фермеры, по ним кризис ударил сильнее всего.

Аттикус сказал – в городе многие люди бедны потому, что бедны фермеры. Округ Мейкомб – фермерский; докторам, адвокатам, зубным врачам каждый грош трудно достается. Ущемление прав не единственная беда мистера Канингема. Та часть его земли, которой он имеет право распоряжаться, не спросясь совладельца, заложена и перезаложена, и жалкие гроши, которые он получает наличными, приходится отдавать в уплату процентов. Если бы мистер Канингем не говорил лишнего, его взяли бы на общественные работы, но если он бросит свою землю, она пропадет, а он предпочитает голодать, но сохранить ее, и притом голосовать за кого хочет. Мистер Канингем – из породы непреклонных, сказал Аттикус. У Канингемов нет денег заплатить юристу, вот они и платят чем могут.

– А знаете, доктор Рейнолдс тоже так работает, – сказал Аттикус. – Когда родится ребенок, он берет с родителей меру картофеля. Мисс Глазастик, если вы подарите меня своим вниманием, я вам объясню, что значит ущемление прав. Джим иногда очень точно определяет, что к чему.

Если бы я могла объяснять так же просто и понятно, как Аттикус, я бы избежала кое-каких неприятностей и уберегла нашу учительницу от горького разочарования, но я не умела и поэтому сказала:

– Мисс Кэролайн, вы Уолтера только зря срамите. У него дома нет четвертака, чтоб вам вернуть, а хворост вам ни к чему.

Мисс Кэролайн сперва остолбенела, а потом схватила меня за шиворот и потащила к своему столу.

– Джин-Луиза, ты мне надоела, – сказала она. – Ты во всех отношениях плохо начинаешь, моя милая. Протяни руку.

Я думала, она сейчас плюнет мне на ладонь – в Мейкомбе только для этого и протягивают руку, это освященный веками обычай, так скрепляют у нас всякий уговор. Не совсем понимая, о чем же это мы с ней уговорились, я оглянулась на ребят, но весь класс в таком же недоумении смотрел на меня. Мисс Кэролайн взяла со стола линейку, раз пять или шесть легонько хлопнула меня по руке, а потом велела стать в угол. Тут только до ребят дошло, что мисс Кэролайн меня отлупила, и все покатались со смеху.

Мисс Кэролайн пригрозила, что им тоже достанется, и первый класс опять захохотал, отрезвило его только появление мисс Блаунт. Коренная жительница Мейкомба, пока еще не посвященная в тайны «Десятичной системы Дьюи», мисс Блаунт стала на пороге – руки в боки – и заявила:

– Если тут в классе еще кто-нибудь пикнет, всех взгрею, так и знайте! Мисс Кэролайн, из-за этого крика и шума шестой класс не может сосредоточиться на пирамидах.

В углу я стояла недолго. К счастью для мисс Кэролайн, зазвенел звонок, и все пошли завтракать. Я выходила последней и видела – мисс Кэролайн тяжело опустилась на стул и уронила голову на руки. Если б она обошлась со мной получше, я бы ее пожалела. Она была такая хорошенькая.

Глава 3

Я немного отвела душу – налетела во дворе на Уолтера Канингема и давай тыкать его в землю носом, но тут подошел Джим и велел его отпустить.

– Связалась с маленьким.

– Никакой он не маленький, – сказала я. – Из-за него я плохо начала.

– Брось, Глазастик! За что ты его?

– У него не было завтрака, – сказала я и объяснила, как мне попало из-за Уолтерова питания.

Уолтер поднялся на ноги и молча слушал. Он слегка сжал кулаки, будто ждал – вот-вот мы оба на него накинемся. Я затопала было на него, чтоб он убирался, но Джим придержал меня за плечо. Внимательно оглядел Уолтера, потом спросил:

– Твой папа – мистер Уолтер Канингем из Старого Сарэма?

Уолтер кивнул.

Он был такой чахлый и тощий, будто отродясь не ел досыта, глаза голубые, как у Дилла Харриса, и слезятся, веки красные, а в лице ни кровинки, только кончик носа красный и мокрый. Он беспокойно теревил лямки комбинезона, дергал крючки.

Джим вдруг весело улыбнулся ему.

– Пойдем к нам завтракать, Уолтер, – сказал он. – Мы будем очень рады.

Уолтер просиял, но сразу опять насупился.

Джим сказал:

– Наш отец с твоим отцом друзья. А Глазастик – она просто шалая. Больше она тебя не тронет.

– Это еще как сказать, – возмутилась я: чего ради Джим дает обещания, не спросясь меня? Но ведь драгоценное время уходит. – Ладно, Уолтер, я тебя лупить не буду. А ты фасоль любишь? Наша Кэл здорово стряпает.

Уолтер стоял столбом и кусал губы. Мы с Джимом уже махнули на него рукой и почти дошли до Рэдли, и тут он заорал вдогонку:

– Эй, я с вами!

Когда Уолтер нас догнал, Джим завел с ним светский разговор.

– Тут живет злой дух, – сказал он дружески и показал на дом Рэдли. – Слышал про него?

– Как не слышать, – ответил Уолтер. – В первый год в школе я чуть не помер – наелся орехов, говорят, он их нарочно отравит да и кидает через забор.

Сейчас, когда мы шли втроем, Джим вроде совсем не боялся Страшилы Рэдли. Даже расхвастался.

– Один раз я подошел к самому дому, – сказал он Уолтеру.

– Некоторые подойдут один раз к самому дому, а потом мимо и то бегом бегают, – сказала я облакам в небе.

– Кто это бегают, мисс Придира?

– Ты бегаешь, когда один.

Пока мы дошли до нашего крыльца, Уолтер и думать забыл, что он Канингем. Джим побежал на кухню и сказал Кэлпурнии, чтоб поставила лишнюю тарелку: у нас гость. Аттикус поздоровался с Уолтером и завел разговор про урожай, а мы с Джимом ничего в этом не понимали.

– Я ведь почему сижу в первом классе, мистер Финч, мне каждую весну надо помогать отцу собирать хлопок, но теперь у нас еще один подросток, тоже может работать на плантации.

– Вы за него заплатили меру картофеля? – спросила я.

Аттикус поглядел на меня и покачал головой.

Уолтер стал накладывать себе еду, и все время, к нашему с Джимом удивлению, они с Аттикусом разговаривали, как равные. Аттикус толковал что-то про фермерское хозяйство, и вдруг Уолтер прервал его и спросил, нет ли у нас в доме патоки. Аттикус позвал Кэлпурнию, и она принесла кувшин с патокой. Она стояла и ждала, пока Уолтер нальет себе. Уолтер стал лить патоку на овощное рагу и на мясо. Он бы, наверно, и в стакан с молоком налил, но тут я спросила, что это он делает.

Он быстро отставил кувшин, даже серебряная подставка звякнула, и зажал руки в коленях. И понурился.

Аттикус посмотрел на меня и опять покачал головой.

– Так ведь он весь свой завтрак утопил в патоке, – сказала я. – Он все залил...

Тут-то Кэлпурния и пригласила меня на кухню. Кэлпурния была в бешенстве, а в бешенстве она всегда начинала говорить неправильно. В спокойном состоянии она разговаривала ничуть не хуже самых грамотных людей в Мейкомбе. Аттикус говорил – Кэлпурния образованнее почти всех цветных.

Она поглядела на меня, скосив глаза, и морщинки между бровей стали заметнее.

– Может, кто ест и не так, как мы, а все одно ты им за столом не перечь, – яростно зашептала она. – Этот малый – твой гость, захочет – пускай скатерть жует, а ты знай помалкивай, поняла?

– Да он не гость, Кэл, он просто Канингем...

– Не мели языком! Какое твое дело, кто он есть! Пришел в дом, значит, гость, и нечего нос задирать, смотри ты, какая важная выискалась! Родные твои, может, и получше Канингемов, да только ты их срамишь! Не умеешь вести себя за столом – ешь на кухне!

Увесистым шлепком Кэлпурния подтолкнула меня к дверям столовой. Я забрала свою тарелку и доела завтрак на кухне – хорошо, хоть не пришлось после такого унижения сидеть вместе со всеми. Кэлпурнии я сказала – ладно же, пускай только отвернется, вот пойду и брошусь в Заводь, тогда пожалеет. И потом, она уже меня сегодня втравила в беду, это все она виновата, зачем учила меня писать.

– А ну-ка помолчи! – сказала Кэлпурния.

Джим и Уолтер ушли в школу, не дождавшись меня, – стоило задержаться и потом нестись одной во весь дух мимо дома Рэдли, лишь бы открыть Аттикусу глаза на злодеяния Кэлпурнии.

– И вообще она любит Джима больше меня, – сказала я под конец и предложила Аттикусу сейчас же ее прогнать.

– А ты не замечаешь, что Джим доставляет ей вдвое меньше хлопот? – сурово сказал Аттикус. – Я не намерен расставаться с Кэлпурнией ни сейчас, ни потом. Мы без Кэл дня прожить не можем, ты об этом когда-нибудь думала? Так вот, подумай, как она о тебе заботится, и изволь ее слушаться. Поняла?

Я вернулась в школу и сидела и ненавидела Кэлпурнию, как вдруг мои мрачные мысли прервал отчаянный крик. Я подняла голову. Посреди класса стояла мисс Кэролайн, ее всю перекосило от ужаса. За перемену она, видно, немного пришла в себя и взялась учить нас дальше.

– Живая! Живая! – визжала она.

Все мальчишки разом кинулись ей на выручку. Господи, подумала я, мыши испугалась! Чарли Литл, по прозвищу Коротышка, человек на редкость снисходительный ко всякой живой твари, даже к букашкам, спросил:

– Куда она побежала, мисс Кэролайн? Говорите скорей!.. Закрой-ка дверь, – велел он мальчишке, сидевшему за ним, – сейчас мы ее изловим. Скорей, мэм, скажите, куда она побежала?

Мисс Кэролайн показала трясущимся пальцем не на пол и не на свой стол, а на какого-то незнакомого мне верзилу. Коротышка нахмурился, но спросил мягко:

– Это вы про него, мэм? Ясно, он живой. Он вас напугал, что ли?

– Я прохожу, а у него по волосам ползет... прямо по волосам ползет... – еле выговорила мисс Кэролайн.

Коротышка расплылся до ушей.

– Ничего страшного, мэм. Эка невидаль – вошка! Садитесь спокойно за свой стол и поучите нас еще малость.

Коротышка тоже, как многие мейкомбские жители, не знал, когда ему в следующий раз случится поесть, зато он был прирожденный джентльмен. Он взял мисс Кэролайн под локоть и отвел к учительскому столу.

– Вы не беспокойтесь, мэм, – сказал он. – Вошек бояться нечего. Сейчас я вам принесу воды попить.

Хозяина вошки весь этот переполох нимало не встревожил. Он почесал голову, нащупал непрошеную гостью и двумя пальцами ее придавил.

Мисс Кэролайн не сводила с него расширенных от ужаса глаз. Коротышка принес ей воды в бумажном стаканчике, она с благодарностью выпила, и к ней наконец вернулся дар речи.

– Как тебя зовут, дружок? – кротко спросила она.

Верзила захлопал глазами.

– Кого? Меня?

Мисс Кэролайн кивнула.

– Баррис Юэл.

Мисс Кэролайн заглянула в список.

– У меня тут числится Юэл, а имени нет. Как пишется твое имя?

– Не знаю. Дома меня зовут Баррис – и все.

– Ну хорошо, Баррис, – сказала мисс Кэролайн. – Я думаю, мы тебя на сегодня освободим от занятий. Поди домой и вымой голову.

Она достала из ящика стола толстую книгу, перелистала и с минуту читала про себя.

– Хорошее домашнее средство от... Баррис, поди домой и вымой голову дегтярным мылом. А потом протри кожу керосином.

– Для чего это?

– Чтобы избавиться от... от вшей. Понимаешь ли, Баррис, от тебя могут заразиться другие дети, ты ведь этого не хочешь, правда?

Баррис встал. Первый раз в жизни я видела, чтоб человек был такой грязный. Шея темно-серая, руки шелушатся, под ногтями траур. Умыта у него была только самая серединка лица, величиной в ладонь. Раньше его никто не замечал – наверно, потому, что все утро класс развлекали мы с мисс Кэролайн.

– И, пожалуйста, Баррис, – прибавила мисс Кэролайн, – прежде чем прийти завтра в школу, прими ванну.

Верзила вызывающе захохотал:

– Думаете, вы меня прогнали, хозяйка? Я сам уйду. На нынешний год я уже отучился.

Мисс Кэролайн посмотрела на него с недоумением:

– Что ты хочешь сказать?

Он не ответил, только презрительно фыркнул.

– Он из Юэлов, мэм, – объяснил кто-то из самых старших ребят, и я подумала – она все равно не поймет, не поняла же, когда я сказала про Канингемов. Но мисс Кэролайн слушала внимательно. – У нас полна школа Юэлов. Они каждый год приходят в первый день, а потом бросают. В первый день это их инспекторша заставляет, потому что грозитя шерифом, а дальше она ничего не может. Она думает, в список их записала, в первый день в школу

загнала – ну и по закону все в порядке. А вы потом круглый год отмечайте – мол, на уроках не был, и все...

Мисс Кэролайн и удивилась, и огорчилась.

– Но что же смотрят их родители?

– Мать у них померла, – был ответ, – а отцу наплевать.

Баррису Юэлу этот разговор явно польстил.

– Я в первый класс третий год хожу, – гордо сказал он. – Коли изловчусь, так на тот год во второй переведут.

– Пожалуйста, садись, Баррис, – сказала мисс Кэролайн.

Вот тут она дала маху. До сих пор Юэл все терпел, а теперь разозлился.

– Как бы не так!

Коротышка встал.

– Отпустите его, мэм, – посоветовал он. – Он подлый парень, просто подлый. Еще заварит кашу, а у нас тут есть маленькие.

Коротышку самого-то было от земли не видать, но, когда Баррис Юэл обернулся к нему, он быстро сунул руку в карман.

– Ну, ну, полегче, – предостерег он, – а то ты у меня сдохнешь – не охнешь. Топай отсюда.

Баррис, кажется, испугался мальчонки вдвое меньше себя, и мисс Кэролайн воспользовалась его минутной растерянностью.

– Иди домой, Баррис, – сказала она. – Не то тебе придется иметь дело с директором. Так или иначе, я должна буду ему обо всем доложить.

Юэл фыркнул и неторопливо, нога за ногу, двинулся к выходу. Отошел на безопасное расстояние, обернулся и крикнул:

– И докладывай, черт с тобой! Нашлась училка сопливая, видали мы таких. Думает, она меня выгнала. Это я сам ушел, так и запомни! Захотел – и ушел.

Он выждал еще минуту, уверился, что она плачет, и только тогда, лениво шаркая ногами, вышел вон из класса.

Мы все сгрудились вокруг учительского стола и, кто как мог, утешали мисс Кэролайн – подлый этот Юэл... не по-честному... таких и учить нечего... это не по-мейкомбски, мисс Кэролайн, наши так не поступают... да вы не горюйте, мэм... мисс Кэролайн, может, вы нам еще почитаете? Вот про кошек было очень даже интересно...

Мисс Кэролайн улыбнулась, громко высморкалась, сказала: «Спасибо, мои милые, теперь садитесь по местам», раскрыла книгу и повергла весь первый класс в недоумение длиннейшим рассказом про жабу, которая почему-то жила в доме.

Когда мне в четвертый раз за этот день пришлось миновать дом Рэдли (и уже второй раз – галопом), настроение у меня было самое мрачное, под стать этому дому. Если весь школьный год будет так же насыщен бурными переживаниями, как первый день, это, пожалуй, даже занятно, но если при этом целых девять месяцев нельзя будет ни читать, ни писать, так уж лучше я удеру.

Под вечер мой план был готов, когда мы побежали встречать Аттикуса, я даже не старалась перегнать Джима. Мы всегда встречали Аттикуса после работы и бежали к нему, как только он показывался из-за угла почты. Аттикус, видно, забыл, что днем я впала в немилость, и забросал меня вопросами про школу. Я отвечала нехотя, и он не стал настаивать.

Кэлпурния, видно, поняла, что у меня был тяжелый день, и позволила мне посмотреть, как она собирает к ужину.

– Закрой глаза и открой рот, – сказала она.

Она не часто баловала нас хрустящими хлебцами и вечно говорила – некогда, но сегодня мы оба ушли в школу, и у нее-то день был легкий. Она знала, как я люблю хрустящие хлебцы.

– Соскучилась я, – сказала она. – В доме стало так пусто, пришлось часа в два включить радио.

– А почему? Мы с Джимом все равно дома не сидим, вот только если дождь...

– Ну да, – сказала Кэлпурния, – но если кликнуть, кто-нибудь да прибежит. Я полдня только и делаю, что вас кличу. Что ж, – прибавила она, поднимаясь с табурета, – пожалуй, я как раз успею подсушить хлебцы. А теперь беги, не мешай мне накрывать на стол.

Она наклонилась и поцеловала меня. Что это на нее нашло, подумала я на бегу. Видно, сама знает, что виновата, и хочет мириться. Всегда ко мне придиралась, а теперь поняла наконец, что это несправедливо, пожалела, а прямо сказать не хочет, потому что упрямая. За этот день я устала от незаслуженных обид.

После ужина Аттикус сел в кресло, взял газету и позвал:

– Будем читать, Глазастик?

Этого я уже не могла вытерпеть и ушла на веранду. Аттикус вышел следом.

– Что случилось, Глазастик?

Я сказала – мне нездоровится и, если он не против, я в школу больше не пойду.

Аттикус сел на качели, закинул ногу на ногу и сунул руку в кармашек для часов; он всегда уверял, что так ему лучше думается. Он молча, сочувственно ждал, и я решила укрепить свои позиции.

– Ты ведь не учился в школе – и ничего, ну и я не буду. Ты меня сам учи, вот как дедушка учил вас с дядей Джеком.

– Не могу, – сказал Аттикус. – Мне надо зарабатывать на хлеб. И потом, если ты не станешь ходить в школу, меня посадят в тюрьму. Так что прими сегодня магнезию, а завтра пойдешь учиться.

– Да нет, я здорова.

– Так я и думал. А что же случилось?

Слово за слово я рассказала ему про все мои злоключения.

– ...и она говорит, ты меня учил неправильно, и нам никогда-никогда больше нельзя читать. Пожалуйста, больше не посылай меня в школу, ну пожалуйста!

Аттикус поднялся и пошел в другой конец веранды. Он долго и старательно изучал там ветку глицинии, потом вернулся ко мне.

– Прежде попробуй выучиться одному нехитрому фокусу, Глазастик, – сказал он. – Тогда тебе куда легче будет ладить с самыми разными людьми. Нельзя по-настоящему понять человека, пока не станешь на его точку зрения...

– Это как?

– Надо влезть в его шкуру и походить в ней.

Еще Аттикус сказал – я сегодня многому научилась, и мисс Кэролайн тоже кое-чему научилась. Например, не предлагать Канингемам подаяния; но, если бы Уолтер и я влезли в ее шкуру, мы бы поняли, что это она не в обиду, а по ошибке. Не может же она в один день привыкнуть ко всем мейкомбским обычаям, и не надо ее винить, если она чего-то не знает.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.